

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАТЕГИИ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (КОММУНИКАТИВНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ)

Сорокина Лина Евгеньевна

асистент Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки, г. Луцк

Постановка научной проблемы и ее значение. Современная коммуникативная лингвистика характеризуется возрастающим интересом исследователей к изучению потенциала языка как способа влияния, и, в частности его возможности выступать инструментом речевой манипуляции, как индивида, так и социума в целом. Кроме этого, в фокусе современных научных работ выступает человеческий фактор, то есть все индивидуальные особенности языковой личности, в том числе ее принадлежность к той или иной гендерной идентичности, что играет немаловажную роль в социальной, культурной и когнитивной ориентации человека. Таким образом, **целью** статьи является изучение манипулятивного потенциала коммуникативных стратегий и тактик с учетом гендерного фактора. Среди **основных задач** нашего исследования – анализ коммуникативных и гендерных аспектов манипулятивной стратегии групповой идентичности.

Стратегия групповой идентичности реализуется за счет использования двух противоположных тактик: инклюзивности (создания круга своих) [2, 3, 5] и дистанцирования (создания круга чужих) [2, 3, 4, 5]. Дуальная оппозиция такой манипулятивной стратегии на функциональном уровне состоит из двух компонентов: агональности [6] – круг чужих (борьба с противником) и интеграции – круг своих (объединение единомышленников). Потребность человека принадлежать к определенному сообществу эксплуатируется манипулятором таким образом, чтобы вызвать позитивное отношение к группе людей / человеку и негативное к противоположной группе / человеку. В

соответствии с такой бинарной оппозицией выделяем две главные задачи манипулятивной стратегии групповой идентичности:

– формирование манипулятором позитивного эмоционального отношения к себе с целью создания образа друга, единомышленника (*тактика инклюзивности*);

– формирование манипулятором негативного эмоционального отношения к оппоненту с целью создания образа противника (*тактика дистанцирования*).

Суть тактики инклюзивности состоит в установлении контакта и доверительных отношений между манипулятором и адресатом с помощью образа доброжелателя, сторонника, друга. Моделирование такого образа предусматривает достижение целей: 1) создать впечатление общности взглядов, интересов, ценностей и т.д.; 2) сформировать собственный позитивный образ. К основным речевым средствам реализации тактики инклюзивности относим целенаправленный выбор высказываний, содержащих:

– инклюзивное местоимение *we*, а также местоимения, коррелирующие с ним (*our, us*);

– лексические единицы с семантикой общности (*together, all, each other, equally, as...as, same*);

– лексические единицы со значением групповой социальной принадлежности (*family, mother, friends, partner*);

– лексические единицы с семантикой взаимодействия и / или сотрудничества (*trust, help, share, believe*);

– разговорную или вульгарную лексику, в том числе, обращения, прозвища (*buncha, man, buddy*);

– лексические единицы, выражающие общность интересов, действий, мыслей, воспоминаний т.д. (иногда известных лишь адресату и адресанту).

В рамках нашего исследования важно проанализировать реализацию тактики инклюзивности с учетом гендерного фактора. Рассмотрим такой пример: (1) *'I mean if he knew, if anyone knew, I'd actually – well, you know...'* (a) *'Slept with the local MP! Who you met there! Great story, Boot.'* *'Louise, I didn't*

actually say that I'd – ' (b) 'But you have, haven't you?' (c) 'Come on, you can't deceive me. Me of all people.' 'Louise, I– (d) 'Oh, for heaven's sake, what harm would it do? 'Yes, I have. But look, that's very – well, you know. Between us.' (e) 'What do you mean?' The husky voice was harsher suddenly, indignant. (f) 'I hope you don't think I'm going to tell anyone. We're friends, I thought. Best friends. For ever and ever. Amen.' 'I'm sorry. I guess I'm just feeling vulnerable. And guilty all round. Including now about Gabriel.' 'You shouldn't be. (g) 'Are you going down this weekend? To see him?' 'I don't know. It depends on Gideon's foot, Tom, all sorts of things. But I probably won't be able to resist.' (h) 'Very sexy?' 'Yes, very sexy,' said Octavia, laughing. 'Bye Louise.' (i) 'Bye, darling Boot. And try to remember, I love you' (Vincenzi, AC, 293).

Манипулятор (Луиза) использует тактику инклюзивности, которая включает лексическую единицу со значением групповой принадлежности *friends*, усиливая ее превосходной степень сравнения прилагательного *best*; инклюзивное местоимение *we* и детское прозвище *Boot*. Важную роль играет тактика прерывания (a, d), личностный характер вопросов (a, b, h), а также чувство вины, которое она вызывает у адресата (c, e, f). Такой манипулятивный подход дает возможность Луизе одновременно получить необходимую информацию (b, g), а также сократить коммуникативную дистанцию между собой и Октавией.

Заметим, что в гомогенных группах женщинам, в отличие от мужчин, характерно употребление эмотивных интенсификаторов (*darling, I love you, great*). Мужчины для создания "круга своих" применяют разговорную, иногда даже вульгарную лексику (*hell, mouth shut, buddy, guys*). По мнению украинского лингвиста Ф.С. Бацевича ругательные (обсценные) выражения сигнализируют о том, что говорящий является "своим" для остальных участников общения. Отсутствие таких слов иногда воспринимается как прагматический сигнал присутствия "чужого" участника коммуникации или такого, который сознательно дистанцируется от атмосферы общения [1, с. 105]. Кроме того, такое речевое поведение можно объяснить с помощью теории

скрытого престижа (*covert prestige*) разговорной речи, которую, как правило, используют именно мужчины [7, с. 115].

В гетерогенных группах женщины, в отличие от мужчин, практически не применяют инклюзивное местоимение и лексику со значением общности и групповой социальной принадлежности (*all, together, family*). Отметим, что первые активно употребляют лексические единицы для обозначения взаимодействия и / или сотрудничества, а также языковые единицы для обозначения общности интересов, как правило, относительно работы.

Тактика дистанцирования лежит в основе категории "чуждости", которая в речи проявляется при выражении вербальной агрессии [5, с. 214]. Реализация тактики предусматривает осознанный выбор языковых единиц, направленных на приуменьшение интеллектуальных, моральных, профессиональных, физических качеств противника, создавая тем самым негативное отношение адресата. Важную роль в применении тактики дистанцирования играет противопоставление себя противнику, отстраненность от его взглядов, решений, действий. Моделирование такого образа направлено на актуализацию в тексте "круга чужих" и его семантического наполнения согласно с глобальной прагматической установкой манипулятора. Согласно со смысловой структурой тактики выделяем такие средства ее вербализации:

- местоимение дистанцирования *they*, а также местоимения, коррелирующие с ними (*their, them*);
- лексические единицы, с семантикой недоверия и / или осуждения по отношению к адресату (*hurt, cheat, dump, unfair, insult, ignore*);
- лексические единицы, содержащие экспрессивно-оценочный негативный элемент (*bad, awful, waste*);
- вульгарную лексику (*hell, f***, bastard*).

Подчеркнем, что в нашем корпусе примеров тактика дистанцирования реализуется только параллельно с тактикой инклюзивности. Так, например, в фрагменте диалогического дискурса (2) бывший полицейский Кин проводит собственное расследование убийства напарника. Для этого он незаконно

проникает в дом подозреваемого, где его задерживают двое незнакомых полицейских. Чтобы решить возникшую проблему Кин применяет манипулятивную стратегию групповой идентичности, используя обе тактики. Для того чтобы очертить "круга своих" он использует лексику групповой социальной принадлежности (*cop, partner*), разговорные обращения (*man, kid*). Когда эта тактика не срабатывает, манипулятор применяет тактику дистанцирования для осуществления влияния на молодого полицейского, а предыдущую тактику направляет на старшего полицейского. Созданию "круга чужих" способствует употребление лексических единиц для обозначения недоверия и непрямого осуждения адресата (e, f), вульгарной лексики (*Shove it up your ass, kid*). Подчеркнем, что в данном случае лексема *kid* дистанцирует опытных полицейских от молодого неопытного Хела. Проанализировав пример, мы пришли к выводу, что речевая манипуляция оказалась неудачной, так как лексема *kid*, которая в тактике инклюзивности должна была сократить коммуникативную дистанцию между Кином и молодым полицейским, наоборот, увеличила ее. Кроме этого, ни информативная тактика детализации (a, b, c, d), ни бинарная оппозиция эксперта и новичка (e) не способствовала созданию образа настоящего добропорядочного полицейского.

(2) (a) *'You remember the cop got killed a little while back? Down in Meriwether County? Booby-trapped house?'* 'Yeah, I heard about it.' (b) *'Well, I'm his partner.'* 'So?' (c) *'So, there's a connection with this place.'* 'What kind of connection?' (d) *'The guy who owned the house had a box here.'* The younger cop, Hal, interrupted. 'I don't much care what it's connected to. You're breaking and entering, pal, and if you're a cop, well, that makes it all the worse. You're under arrest. You have the right to remain silent—' (e) *'Jesus Christ, man,'* Mickey said. *'You're not arresting another cop, are you? Don't you know anything? How long you been on the job?'* 'What's that got to do with anything?' Hal said, reddening. 'Listen, Hal, let's be sure we're doing the right thing here. The guy's a cop, after all.' 'Bullshit,' Hal said. 'I don't buy that shit at all. He's in here where he shouldn't be, and that's it as far as I'm concerned' Keane felt the situation slipping away from him.

He turned to the older cop. (f) 'Listen, Bob, you've been on the force awhile, right? You know that no cop would ever bust another cop. Now talk some sense to this kid.' (...) He snapped handcuffs onto Keane's wrists. 'You have the right to remain silent; you have the right to—' (g) 'Shove it up your ass, kid,' Keane said. 'I know the drill' (Woods, GR, 230).

Обратим внимание, что процент реализации тактики дистанцирования в гетерогенных группах очень низок по сравнению с другими манипулятивными тактиками (срав. М–Ж: 0,2%; Ж–М: 1,1%). Мужчины для создания "круга чужих" применяют экспрессивно-оценочный негативный элемент, женщины, кроме, уже указанной экспрессивно-оценочной негативной лексики, как правило, выражают недоверие и / или осуждение по отношению к адресату по поводу работы или личной жизни.

В гомогенных группах и мужчинам, и женщинам характерно употребление экспрессивно-оценочного негативного элемента, а также выражение недоверия и / или осуждения по отношению к адресату. Но если у мужчин поводом для такого речевого поведения служат профессиональные интересы, то представители противоположного пола выбирают личные отношения как мишень для реализации тактики дистанцирования. В отличие от женщин, представители сильного пола для создания "круга чужих" активно используют разговорную лексику и вульгаризмы.

Список литературы:

1. Бацевич Ф. С. Нариси з лінгвістичної прагматики. Львів: ПАІС, 2010. — 336 с.
2. Дмитрук О. В. Маніпулятивні стратегії в сучасній англомовній комунікації (на матеріалі текстів друкованих та Інтернет-видань 2000—2005 рр.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови". —К., 2006. —19 с.

3. Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. 1999. — Вып. 1. — С. 74—79.
4. Молодыхенко Е. Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и лингвопрагматический анализ (на материале публичных речей политических деятелей 1960—2008 гг.): автореф. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германские языки". Спб., 2010. — 24 с.
5. Самарина И. В. Прагмалингвистическое исследование речевой деятельности политиков по коммуникативным стратегиям "создания круга своих" и "создания круга чужих" // Вестник СамГУ. — Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та. 2006. — № 8 (48). — С. 214—219.
6. Шейгал Е. И. Антогональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. — № 34 (172). — С. 145—148.
7. Coates J. Women, Men and Language. — L.: Longman, 1993. — 247 p.

Источники иллюстративного материала:

Woods, GR: Woods S. Grass Roots. N.Y.: Avon Books, 1991. — 489 p.

Vincenzi, AC: Vincenzi P. Almost a Crime. L.: Orion, 2000. — 627 p.